

*И. Н. Тарасов, В. А. Казадаев*

### ТРАНЗИТОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПЕРЕМЕН В СЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

72

*Трансформация конституционного законодательства в посткоммунистических странах представляет две модели: «реконструкция» и «демонтаж». Чехословацкий опыт трансформации конституционного законодательства представляет собой модель демонтажа. Одной из положительных черт этой модели является быстрое принятие новых конституций. Главным недостатком словацкой Конституции эксперты и политики называют то, что она не устранила разрыва между ценностями и нормами и реальным положением прав граждан. Дальнейшие перспективы развития конституционного законодательства в Словакии связаны с преодолением посткоммунистических установок Конституции.*

*The transformation of constitutional legislation in post-Communist countries follows two models: "reconstruction" and "dismantling". The Czechoslovak experience of constitutional legislation transformation follows that of dismantling. One of the positive features of this model is the rapid adoption of a new constitution. Experts and politicians stress that the main drawback of the Slovakian Constitution is that it has not eliminated the gap between values and rules and the actual condition of human rights. The prospects of further development of constitutional law in Slovakia are associated with overcoming the post-Communist attitudes of the Constitution.*

**Ключевые слова:** Словакия, конституция, демократический транзит.

**Key words:** Slovakia, Constitution, transit to democracy.

Конституционное законодательство — фундаментальная основа функционирования институциональной демократии. Трансформация конституционного законодательства в посткоммунистических странах представляет две модели: реконструкции и демонтажа правовых основ деятельности политических институтов, унаследованных от периода «реального социализма».

Модель реконструкции предусматривает освобождение конституционного права от формализма «реального социализма», направленное на реализацию декларируемых в конституционных актах коммунистического периода прав и свобод граждан, полномочий государственных органов власти в пределах демократической политической системы.

Модель демонтажа предполагает максимально возможный в зависимости от политических условий отказ от наследия коммунистического прошлого и связана с формированием новых институтов государственной власти, основанных на принципах демократии в рамках новых государственных образований.



Итогом трансформации в обоих случаях является выработка нового конституционного законодательства, отвечающего потребностям демократического общества. Я.-Э. Лэйн, рассматривая проблему взаимодействия конституционализма и демократии, отмечал:

...если, к примеру, в основу демократического государства положена теория, трактующая конституционализм в качестве одной из составляющих демократии, проблема противоречий между ними исчезает сама собой [2; с. 40].

Такая трактовка роли конституционализма представляется приемлемой при решении проблем демократического транзита. Развитие событий в рамках той или иной модели трансформации обусловлено несколькими факторами, и в первую очередь уровнем политической стабильности; обладанием новой политической элитой резервом времени, что связано со степенью общественного доверия к ней; качеством самих конституционных актов, унаследованных новыми режимами.

При изучении демократического транзита как политического феномена встает вопрос о его динамике. В современной политической науке существует немало динамических моделей транзита, которые объединены общим представлением о расчлененности процесса.

Американский политолог Д. Растоу одним из первых предложил собственную транзитологическую модель. Весь процесс перехода к демократии был разделен им на три фазы. Первая – подготовительная – фаза развивается еще в рамках недемократического режима и характеризуется серьезным конфликтом между властвующей элитой и гражданским обществом. Вторая фаза – принятие решений – отличается падением недемократического режима и началом развития демократических отношений в обществе. На третьей фазе – привыкание – происходит консолидация демократии [3, с. 11].

В контексте концептуально-феноменальной природы демократического транзита, закрепленного в конституционных актах посткоммунистических стран, вторая фаза динамической модели Д. Растоу привлекает особое внимание. В фазе принятия решений в процессе транзита осуществляется выбор альтернатив, достигается согласие политических акторов. Результатом этой фазы, как правило, становится принятие конституции. В Словакии и Чехии они были приняты в 1992 г. после решения вопроса о разделении федеративного государства. В этой связи политическая конъюнктура непосредственным образом оказала влияние на сроки принятия и выбор модели формирования демократических конституций. Объективно польская политическая элита располагала большим временем для выработки демократической конституции, чем в Чехословакии. В ЧСФР факт распада общего государства заставил чешских и словацких политиков быстро принять решение об основном законе своих стран.

Чехословацкий опыт трансформации конституционного законодательства представляет собой модель демонтажа. Завершение процесса связано с принятием республиканских конституций и образованием



новых государств. Трансформация конституционного законодательства в рамках модели демонтажа определена рядом факторов, таких как исторический опыт послевоенной трансформации и Пражской весны 1968 г., отсутствие диалога между коммунистической властью и оппозицией, революционный переход от коммунистического властвования к демократии, кризис федеративных отношений.

В Чехословакии после февральских событий 1948 г. Компартия оказалась свободной в своих законодательных инициативах, результатом которых стало принятие Учредительным национальным собранием 9 мая 1948 г. новой Конституции страны. Институциональная конструкция власти была в целом сохранена и повторяла положения Конституции 1920 г. [1, с. 387]. Существенным стало изменение статуса Словакии в составе единого государства. А. В. Якушев отмечал:

...словацкий национализм ассоциировался с предательством и сотрудничеством с оккупантами. Поэтому, с точки зрения значительной части населения, руководства КПЧ, подчиненное положение Словакии было морально оправдано и являлось своеобразным наказанием за предательство словацкой верхушки в годы войны [5, с. 188].

Вторая Конституция социалистической Чехословакии, принятая Национальным собранием 11 июля 1960 г., как и большинство восточноевропейских конституций 1950–1960-х гг., — свидетельство отрыва формального конституционализма от общественной реальности. Просуществовавшая до 1992 г. Конституция закрепляла руководящую роль Компартии (ст. 4, 6, 16) [4, с. 105]. По сравнению с Конституцией 1948 г. полномочия в 1992 г. были перераспределены в пользу парламента. Асимметричное унитарное государственное устройство также претерпело изменения: автономные права Словакии были значительно сокращены вследствие упразднения органа исполнительной власти — Коллегии уполномоченных [1, с. 408–409].

В Чехословакии Пражская весна 1968 г. стала в конституционном плане очередным демонтажем системы права. Нараставшие противоречия в чешско-словацких отношениях в 1960-х гг. потребовали федерализации страны, что было прямой реакцией на установки Конституции 1960 г. в отношении национально-государственного устройства. Конституционные законы от 24 июля и 27 ноября 1968 г. подвели итог процесса федерализации. Конституционная реформа 1968 г. провозглашала создание двух национальных государств (Чешской Социалистической Республики и Словацкой Социалистической Республики), которые образуют союз (ЧССР) на принципах равноправия и добровольности (ст. 1 конституционного закона № 147 1968 г. «О Федерации») [4, с. 387]. Фактически конституционное реформирование Пражской весны коренным образом изменило облик чехословацкого государства, создало предпосылки к отказу от единства федерации в случае конституционного кризиса, поскольку Конституция 1960 г. и конституционные законы 1968 г. принимались в различных политических условиях и не составляли единый по духу документ, подчиненный достижению



общих правовых целей. Поправки, вносимые в 1970-е гг., имели своей целью усиление центральной власти. Необходимо заметить, что все изменения и дополнения к Конституции в Чехословакии принимают вид конституционных законов, прямо не изменяющих текст Основного закона и существующих параллельно с ним. Такая традиция заимствована еще при образовании Первой республики чехословацким конституционализмом из опыта США [1, с. 382].

В ходе событий «бархатной революции» под давлением демократии улиц Федеральное собрание Чехословакии 29 ноября 1989 г. внесло поправки в Конституцию 1960 г., которые лишили КПЧ монополии на власть (упразднена ст. 4 и параграф ст. 6, изменен текст ст. 16). Традиционно в Чехословакии изменения революционного характера вызывают демонтаж конституционного законодательства предшествующего периода. Выбор модели посткоммунистической трансформации конституционного права также определяется этой традицией. Процесс демонтажа конституционной системы времен «реального социализма» должен был завершиться принятием новой федеральной конституции.

Одной из положительных черт модели демонтажа является быстрое принятие новых конституций с возможностью внесения поправок и дополнений в них. В начавшемся конституционном процессе участвовали три стороны: федеральная (президент и правительство), чешская (представители парламента и исполнительной власти Чехии) и словацкая (представители парламента и исполнительной власти Словакии). В декабре 1990 г. было подписано Соглашение о разграничении полномочий между федеральными и республиканскими органами государственной власти. Был сделан важный шаг в сторону децентрализации власти, что отвечало принципам институциональной демократии, однако одновременно усиливало дезинтеграционные процессы, поскольку произошел передел властных полномочий в пользу республик.

Главным недостатком словацкой Конституции как эксперты, так и политики называют то, что она не устранила разрыва между провозглашаемыми ценностями и нормами и реальным положением [6]. Конституция не дает четких ответов о пределах компетенции политических институтов, что на практике порождает острые конфликты интересов, приводящие к дестабилизации политической обстановки: сохраняя старые чехословацкие традиции, продолжает практику конституционных законов, принятие которых часто связано с конъюнктурными желаниями ведущих политиков. Кроме того, Конституция фиксирует часто критикованную еще в Чехословакии норму принятия решений квалифицированным большинством ( $3/5$  голосов) даже по вопросам, логика которых не требует таких жестких критериев (ст. 84, 101). Сохраняется возможность диктата мнения сложившегося на данный момент большинства и подавления политического меньшинства. Начавшейся в феврале 2001 г. процесс новеллизации Конституции ставит перед собой задачи унификации словацкого законодательства с требованиями ЕС. Сейчас нет институциональных предпосылок для реализа-



ции новелл «европейского стандарта» и такой процесс представляет больше традиционный для эпохи «реального социализма» конституционный футуризм.

В Словакии «дыры» Конституции неоднократно порождали конфликт властей. В итоге в стране были преодолены транзитные преубеждения неприкосновенности Конституции (о чем говорит строгость процедур изменений текста Основного закона), и во избежание институциональных конфликтов Словакия в 1999 г. перешла к прямым выборам президента, отняв эту прерогативу у парламента.

Дальнейшие перспективы развития конституционного законодательства в Словакии связаны с преодолением посткоммунистических установок Конституции, что делает ее более декларативным документом, чем правовым актом прямого действия. Успех конституционализма будет определяться тем, насколько законодатель будет выведен из-под влияния текущей политики. В настоящее время, учитывая значительную роль политических партий, такие перспективы представляются весьма малореальными. Приходится рассчитывать лишь на упрочение партийной системы, ее стабилизацию и общеевропейскую «стандартизацию».

76

#### Список литературы

1. *История государства и права зарубежных стран* / под ред. Н. А. Крашенинникова, О. А. Жидкова. М., 1998. Ч. 2.
2. *Лэйн Я.-Э. Демократия и конституционализм* // Политические исследования. 1998. № 6.
3. *Растой Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели* // Политические исследования. 1996. № 5.
4. *Чехословацкая Социалистическая Республика. Конституция и законодательные акты* / под ред. И. П. Ильинского. М., 1987.
5. *Якушев А. В. Конституционное право зарубежных стран*. М., 1999.
6. *Slišková N. Duray o výhradách SMK k novelizácii ústavy* // Pravda. 2000. 13 March.

#### Об авторах

Илья Николаевич Тарасов — д-р полит. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: ilja\_tarasov@mail.ru

Владимир Александрович Казадаев — асп., Российская экономическая академия им. Г. В. Плеханова, Москва.

E-mail: advanced@konsnet.ru

#### About the authors

Prof. Ilya Tarasov, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: ilja\_tarasov@mail.ru

Vladimir Kazadaev, PhD student, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow.

E-mail: advanced@konsnet.ru